

О РУССКОМЪ ФАШИЗМЪ.

Въ мірѣ разверзлась бездна безбожия, безчестія и свирѣпой жадности. Современное человѣчество отзывается на это возрожденіемъ рыцарственнаго начала.

Могло ли быть иначе? Въ какую низину запутанности и рабства оно должно было снаться для того, чтобы не вступить на этотъ путь? Въ какую религіозную и нравственную фальшь оно должно было выродить духъ христіанскаго ученія для того, чтобы отозваться на восстаніе дьявольскаго начала — не твердымъ намѣреніемъ «заградить уста невѣжеству безумныхъ людей» (I Петра гл. I. стихъ 15), а умиленнымъ непротивленіемъ? И развѣ мы не захлебнулись бы тогда отъ презрѣнія къ самимъ себѣ и къ человѣческому естеству въ насъ?

Можно представить себѣ, что къ этому возрожденію рыцарственнаго начала люди будутъ относиться двояко: съ сочувствіемъ и съ осужденіемъ. Но надо признать, что принципиальное осужденіе его, какими бы словами оно ни прикрывалось, — обличаетъ позицію осуждающаго: ибо тотъ, кто противъ рыцарственной борьбы съ дьяволомъ, тотъ за дьявола. Онъ, можетъ быть, самъ не понялъ еще, что именно онъ дѣлаетъ и изъ какихъ душевныхъ источниковъ родится его осужденіе. Но вѣдь зараза большевизма дѣйствуетъ не только соблазняяюще и увлекающе, а еще разслабляюще и обезсиливаетъ, и тотъ, кто извлекаетъ изъ своей души навстрѣчу этой стихіи фальшивыя слова фальшиваго умиленія, тотъ уже находится въ орбитѣ ея вліянія и власти... —

Это не означаетъ, конечно, что въ этомъ рыцарственномъ движеніи невозможны ошибки; что въ немъ не могутъ зародиться опасныя отѣнки и уклонны, что оно свободно отъ всякихъ заблужденій и не подтежитъ критикѣ. Напротивъ:

мы должны все время бодрствовать, провѣрять себя и очищаться. Намъ безусловно необходима зоркая и честная самокритика; но не обезсиливающая, а ободряющая; не разрушительное глодаше, а творческая ревизія. Мы должны учиться и чиститься на ходу. Мы должны, не прерывая нашего служенія и не прекращая нашей борьбы, осмысливать нашу природу, формулировать наши принципы, закрѣплять наши грани и неустанно ковать и совершенствовать нашу организацію. Впереди у насъ труднѣйшія и отвѣтственнѣйшія задачи; а слово наше не можетъ, не должно и не смѣетъ расходиться съ дѣломъ.

Тотъ не съ нами, кто обижается на слова честной и творческой критики. Передъ лицомъ России и ея трагедіи мы повинны другъ другу правдою, возраженіемъ, а если нужно, то и критикой. Мы уже достаточно цѣнимъ другъ друга и достаточно вѣримъ другъ другу для того, чтобы не только утвердить за собою это право, но и для того, чтобы превратить его во взаимную повинность.

Именно таковъ духовный смыслъ тѣхъ сомнѣній и опасеній, которыя я имѣю здѣсь высказать по вопросу о русскомъ фашизмѣ —

За послѣдніе десять лѣтъ рыцарственное движеніе, которое во всемъ его мировомъ объемѣ слѣдуетъ обозначить, какъ бѣлое движеніе, завязывается, крѣпнетъ и развертывается въ самыхъ различныхъ странахъ и подъ различными наименованіями. Впервые оно началось у насъ въ России (въ концѣ 1917 года), гдѣ оно по необходимости сразу получило военную организацію и вылилось въ форму междуусобной войны. Вслѣдъ затѣмъ оно зародилось въ Германіи, въ Венгріи и въ 1919 году — въ Италіи; здѣсь оно послѣ трехлѣтней организаціонной подготовки и нѣсколькихъ героическихъ столкновеній, овладѣло государственнымъ аппаратомъ и создало такъ называемый «фашистскій» режимъ. Этотъ политическій успѣхъ заставилъ нашихъ современниковъ говорить и думать о фашистскомъ «методѣ» (т. е. о вѣрномъ способѣ) борьбы съ большевицкой заразой, и вызвалъ организаціонныя подражанія въ другихъ странахъ (Франція, Англія, Чехословакія). И, какъ это нерѣдко бываетъ въ человѣческой дѣятельности, случилось то, что одна изъ формъ бѣлаго движенія (именно національно-итальянская), имѣвшая на

мѣстѣ серьезныхъ успѣхъ, заслонила собою другія драгоцѣнныя и необходимыя формы и дала своимъ всему движенію въ цѣломъ.

Я хочу этимъ сказать, что бѣлое движеніе въ цѣломъ—гораздо шире фашизма и по существу своему глубже фашизма. Или, если угодно: бѣлсе движеніе есть родовое понятіе, а фашизмъ есть видовое понятіе; и поэтому мы не должны впадать въ ту распространенную ошибку, при которой человекъ упускаетъ изъ-за частнаго, единичнаго видоизмѣненія — общую, родовую и глубокую сущность. Эта ошибка ведетъ къ тому, что люди утрачиваютъ духовный смыслъ явленія, не видятъ его исторической перспективы, упускаютъ изъ вида другія, новыя, творческія возможности и начинаютъ подражать ослѣпившему ихъ явленію, воспроизводя его, какъ своего рода спасительное средство.

Бѣлое движеніе шире фашизма потому, что оно можетъ возникать и исторически возникало по совершенно другимъ поводамъ и протекало въ совершенно иныхъ формахъ, чѣмъ фашизмъ. Оно глубже фашизма потому, что именно въ фашизмѣ совсѣмъ не проявляется или недостаточно дѣйствуетъ глубочайшій, религіозный мотивъ движенія. —

Всюду, гдѣ въ общественной и государственной жизни люди объединяются на началахъ добровольнаго служенія, качественного отбора, безкорыстія, чести, долга, дисциплины и вѣрности и, движимые патріотизмомъ, начинаютъ на этихъ началахъ служить роднѣ — мы имѣемъ основаніе говорить о наличности бѣлаго движенія. Такое движеніе можетъ быть вызвано не только войною или революціею, но и другими опасностями — голодомъ, моромъ или наводненіемъ. Оно можетъ возникнуть и безъ всякой особой «опасности», напр., въ видѣ движенія за національную духовную культуру, за національное воспитаніе, за отмѣну рабства, или за облагораженіе національной политики. Отсюда уже ясно, что бѣлое движеніе можетъ и не имѣть военного характера (какъ было у насъ), и совсѣмъ не связано непременно съ захватомъ власти или съ отверженіемъ парламентаризма (какъ было въ Италіи); напротивъ, оно можетъ имѣть чисто штатскую и совершенно законную форму, и можетъ быть цѣликомъ направлено на поддержаніе и укрѣпленіе существующей власти и налич-

ной формы правленія. Такъ, русское бѣлое движеніе возникло слишкомъ поздно и должно было принять гражданскую войну, начатую большевиками; но итальянское бѣлое движеніе сложилось своевременно и могло избавить свою страну отъ гражданской войны. Однако, бѣлымъ итальянцамъ (фашистамъ) пришлось все же рѣшиться на возстаніе и только благодаря исключительному такту Муссолини и Его Величества Короля это возстаніе не превратилось въ революцію, а стало высочайше узаконеннымъ переворотомъ; напротивъ, бѣлые англичане, во время угольной забастовки 1926 года, не начинали возстанія, но организованно поддерживали наличное парламентское, консервативное правительство.

Изъ этого вытекаетъ, что бѣлое движеніе совсѣмъ не ведетъ непременно ни къ перевороту, ни къ гражданской войнѣ; оно можетъ, напр., сложиться на мирныхъ и законныхъ путяхъ, разлиться по всей странѣ, овладѣть сердцемъ и волею всего, что есть честнаго въ народѣ и положить начало новому національному воспитанію, новой творческой эпохѣ въ жизни страны.

Нѣтъ единой формы бѣлаго движенія, пригодной для всѣхъ временъ и у всѣхъ народовъ. Каждой странѣ нужно свое. Каждая эпоха предписываетъ другія формы. Нидерландское бѣлое движеніе, руководимое Вильгельмомъ Молчаливымъ, имѣло инныя задачи, чѣмъ бѣлое движеніе Минина и Пожарскаго. Бѣлые германцы въ эпоху Фатера Яна и Фихте Старшаго не могли становиться на путь современныхъ фашистовъ. Бѣлые итальянцы нашихъ дней погубили бы Италію, если бы они, занявъ сѣверную половину страны, начали гражданскую войну съ южной половиной. Какъ и вся политическая жизнь, бѣлое движеніе есть творчество, примѣняющееся къ реальнымъ задачамъ и реальнымъ возможностямъ страны и эпохи. И то, что спасительно въ одномъ случаѣ, можетъ оказаться вреднымъ въ другомъ. Здѣсь невозможно и не нужно слѣпое подражаніе: и въ то же время необходимо зоркое и внимательное изученіе тѣхъ условій и тѣхъ пріемовъ, которые создавали и создали удачу въ другія эпохи и у другихъ народовъ.

Еще одно. Если бѣлое движеніе совсѣмъ не есть непременно фашизмъ, то съ другой стороны возможно, что по-

явятся такіе новыя «фашизмы», въ которыхъ не будетъ ни чего бѣлаго. Организоваться и сдѣлать политическій переворотъ совсѣмъ еще не значитъ создать бѣлое движеніе, хотя бы при этомъ слово «фашизмъ» было написано на всѣхъ перекресткахъ. Тѣ перевороты, которыми изобилуетъ исторія императорскаго Рима, бывали обычно своскорыстными затѣями легіоновъ и полководцевъ; и бѣлаго въ нихъ не было ничего. Таковы же военные перевороты въ современной Греціи; и мало кто согласится признать «бѣлымъ» — движеніе Гайды въ Чехословакіи. Здѣсь мало сказать, что такіе-то переворотчики тянутъ «направо» и стоятъ «за порядокъ»; Сулла въ Римѣ стоялъ «за порядокъ» и тянулъ «направо», но о бѣлизнѣ его можно говорить только по недоразумѣнію. И именно съ этой точки зрѣнія было бы очень рискованно поставить наряду съ героическимъ и дѣйствительно бѣлымъ адмираломъ Хорти — проблематическія или прямо порочныя фигуры, тамъ и сямъ поднимающіяся надъ уровнемъ въ другихъ странахъ. —

Именно такое пониманіе вскрываетъ первую опасность, съ которой намъ слѣдуетъ постоянно считаться. Эта опасность состоитъ въ томъ, что у насъ можетъ возникнуть не бѣлый «фашизмъ». По внѣшней видимости все будетъ обстоять, какъ «полагается»: «дисциплинированная» организація, «патріотическія» слова, отстаиваніе порядка, тяга направо, волевой активизмъ... А на самомъ дѣлѣ возникнетъ лишь новый расколъ и новая политическая партія, столь же партійная, какъ и другія, но только съ агрессивными замашками, съ намѣреніемъ непременно устроить переворотъ въ свою пользу, съ готовностью начать гражданскую войну противъ другихъ большевицкихъ партій и длить ее вплоть до своей партійной побѣды. Повидимому, это будетъ «фашизмъ»; но бѣлаго въ немъ не будетъ ничего. Можетъ быть это будетъ «розовый», «желтый» или «черный» фашизмъ, т. е. партійное дѣло ради партійныхъ цѣлей, прикрытыхъ патріотическою словесностью. А можетъ быть и такъ, что такихъ «фашизмовъ» возникнетъ одновременно нѣсколько: каждая партія послѣ паденія большевиковъ будетъ готовить переворотъ въ свою пользу и вооружаться... пока не начнется общая гражданская война. Тогда (это можно сказать съ увѣренностью) най-

дутся враждебныя Россіи организаціи, которыя начнутъ поддерживать эту гражданскую войну періодическими субсидіями, подогрѣвая и затягивая ее, и превращая Россію въ современный Китай...

Эта опасная перспектива становится особенно вѣроятною, если принять во вниманіе: 1) нашъ русскій равнинный характеръ, всегда склонный къ несогласію, къ раздору, раздѣленію и упрямой неуступчивости; 2) революціонное время, развязавшее въ душахъ честолюбіе, склонность къ авантюризму и ко всевозможнымъ политическимъ «комбинаціямъ» (почти всегда съ негодными средствами); 3) огромные размѣры нашей страны въ обычное время, а нынѣ — нашу зарубежную разбросанность по всему міру, которая дѣлаетъ организаціонно невозможнымъ единство «фашистскаго» союза и требуетъ (для активной борьбы) множества параллельныхъ возглавленій. Пока большевицкая власть правитъ Россіею — можетъ быть и окажется возможнымъ добиться того, чтобы политическія разногласія были какъ-нибудь отодвинуты на второй планъ. Но надо заранѣе предвидѣть, что русскій «фашизмъ» изъ каждой страны разсѣянія, въ которой онъ складывается и растетъ — вынесетъ свои характерныя уклоны, свою партійную закваску и даже свои «оріентаціонныя» симпатіи, которыя въ дальнѣйшемъ выступятъ на первый планъ съ русскою неуступчивою страстностью, съ послѣреволюціонною притязательностью и съ настоящею фашистскою агрессивностью.

А между тѣмъ, если что-нибудь можетъ погубить Россію, то это именно новая гражданская война между противобольшевицкими силами. За революцію Россія потеряла очень много, слишкомъ много для того, чтобы потерять еще что-нибудь безнаказанно. И мы, оставаясь за рубежомъ, обязаны постоянно объ этомъ помнить, и все время провѣрять свои замыслы и свои пути въ предвидѣніи ихъ будущихъ неизбежныхъ послѣдствій. —

За послѣдніе годы мнѣ пришлось не разъ быть въ Италіи, видѣть фашизмъ въ реальной жизни. бесѣдовать съ фашистами и съ анти-фашистами, многое понять, провѣрить и продумать. И естественно, что я все время ставилъ передъ собою вопросъ: почему въ Италіи удалось то, что у насъ не удалось?

Помимо чисто стратегическихъ причинъ (второстепенность итальянскаго фронта, его малые размѣры, его горный характеръ, позднее вступленіе въ войну, возможность подвоза амуниці моремъ и т. д.), па которыхъ я не могу останавливаться, были еще политическія и духовныя условія, которыхъ намъ нельзя упускать изъ вида.

Среди нихъ отмѣчаю: отсутствіе сколько-нибудь серьезнаго революціоннаго движенія передъ войною; чувство «побѣды», съ которымъ Италія закончила войну; сравнительно очень небольшіе размѣры страны, облегчающіе всякую политическую организацію; своевременное (превентивное) основаніе бѣлаго движенія со стороны Муссолини; единство движенія и единственность вождя; и многовѣковую культуру правосознанія въ народѣ. Всѣ эти условія несказанно облегчили борьбу итальянскаго фашизма. Но именно отсутствіе всѣхъ этихъ условій несказанно затрудняетъ дѣло русскаго фашизма и затуманиваетъ его перспективы. —

Дѣло въ томъ, что фашизмъ есть спасительный эксцессъ патріотическаго произвола. И въ этомъ сразу заложено — и его обоснованіе, и его опасности.

Когда государству грозитъ гибель, особенно отъ моральнаго и политическаго разложенія массы; и когда наличная государственная власть оказывается безвольною, или бездарною, или съ своей стороны дезорганизованною и деморализованною — то спасеніе состоитъ именно въ томъ, чтобы патріотическое меньшинство въ странѣ, бѣлое по духу и волевое по характеру, сорганизовалось, взяло власть въ свои руки и осуществило бы все то, что необходимо для отрезвленія массы и для спасенія родины. Горе тому народу, который въ критическій моментъ окажется неспособнымъ къ выполненію этого священнаго, почетнаго и въ высшей степени отвѣтственнаго, патріотическаго долга!..

Но этотъ спасительный актъ остается все же актомъ произвола. А судьба всякаго произвола состоитъ именно въ томъ, что онъ однимъ своимъ появленіемъ, какъ бы вызываетъ къ новымъ актамъ отвѣтнаго произвола: онъ развязываетъ въ странѣ склонность къ политическимъ посягательствамъ; онъ самъ рискуетъ оказаться первымъ актомъ гражданской войны. И для того, чтобы это не состоялось, не-

обходимо 1) чтобы движеніе было единымъ и единственнымъ въ странѣ; 2) чтобы въ народѣ имѣлось могучее и зрѣлое правосознаніе, съ которымъ движеніе должно быть тѣсно связано; 3) чтобы движеніе, какъ можно скорѣе само ввело себя въ рамки законности и подавило всякія новыя попытки переворота; 4) чтобы оно оправдало свое посягательство реальною государственною продуктивною — водвореніемъ настоящаго правопорядка, хозяйственными, социальными и культурными реформами.

Въ настоящее время намъ особенно важно учитывать первыя два условія.

Русскій фашизмъ зарождается не внутри страны, а въ эмиграціи. Отсюда его разбросанность по всему міру, его неизбежная множественность, параллелизмъ и пестрота. Отсюда же основная трудность его развитія, ибо фашизмъ куется и крѣпнеть въ непрестанной и напряженной борьбѣ, ведущейся въ самой странѣ изо дня въ день: эмиграція же, представляя изъ себя несомнѣнную силу, — оторвана самымъ зарубежнымъ существованіемъ своимъ отъ точки для приложенія этой силы. Наконецъ, отсюда же оторванность русскаго фашизма отъ русской народнои толщи, съ которою онъ не связанъ, къ которой онъ только еще долженъ прорваться и изъ которой онъ пылкъ не можетъ черпать живыхъ и почвенныхъ силъ для своего пополненія и развертыванія. Однако откуда нибудь онъ долженъ же ихъ все-таки брать... Повидимому онъ можетъ ихъ брать только изъ другихъ, уже имѣющихся въ эмиграціи бѣлыхъ и волевыхъ организацій, т. е. прежде всего и главнымъ образомъ изъ Русскаго Обще-Воинскаго Союза... Но здѣсь возникаетъ цѣлый рядъ новыхъ опасностей и затрудненій. —

И Обще-Воинскій Союзъ, и фашистскія ячейки суть организаціи бѣлыя, волевая и дѣйствительныя. Въ чемъ же ихъ отличие? Почему русскому патриотически-мыслящему, активно-настроенному и дисциплинированному военному — лучше стать членомъ фашистской ячейки, чѣмъ хранить вѣрность своему всенному кадру? Что новаго даетъ ему званіе фашиста? Право ли на активность? Но принадлежность къ Обще-Воинскому Союзу никогда не погасила этого священнаго права активной борьбы за родину... Напротивъ. Но что же даетъ тогда фа-

шизмъ? Повидимому два дара: политическую программу и новое возглавленіе. Но это означает, что фашизмъ есть политическая партія (или, вѣрнѣе, цѣлый рядъ зачаточныхъ политическихъ партій) и что членъ Обще-Воинскаго Союза долженъ, вступая въ фашистскую ячейку, выйти, согласно Приказу 82, изъ этого союза, ибо членамъ его запрещено вхожденіе въ политическія партіи. Это запрещеніе установлено именно для того, чтобы оградить главную активную силу русской эмиграціи, армію — отъ политическаго распада и разброда, чреватаго въ будущемъ гражданской войною; чтобы удержать русскій военный кадръ въ томъ глубокомъ лонѣ патріотическаго единенія, куда политическая партийность не проникаетъ, гдѣ нѣтъ мѣста политическимъ претензіямъ, треніямъ и неизбежнымъ интригамъ, гдѣ въ бѣлой идеѣ родины сливаются всѣ оттѣнки политическихъ окрасокъ. Этимъ оберегается и рождается то, что нужнѣе всего и важнѣе всего для Россіи: патріотическій духъ и сверхпартийный военный кадръ — залогъ національнаго единства, якорь спасенія отъ гражданской войны.

Правильно ли, необходимо ли извлекать русскихъ патріотовъ изъ этого духа и изъ этого кадра, и ставить ихъ на распутіе политическихъ программъ, политическихъ споровъ и политическихъ дѣленій? Не вѣрнѣе ли, не спасительнѣе ли создавать активныя ячейки въ предѣлахъ самаго Обще-Воинскаго Союза? Увлекаетъ ли умы модное слово «фашизмъ» и нетерпѣливое желаніе ввести его у насъ? Но не пора ли намъ перестать предаваться этой торопливой подражательности? Когда мы поймемъ, что вообще нѣтъ спасенія въ заимствованіяхъ, — все равно, заимствуется демократизмъ или фашизмъ? Когда мы поймемъ, что въ частности русское бѣлое движеніе уже идетъ и должно и впредь идти путями самостоятельнаго творчества, и что наша бѣлая организація — это нашъ Обще-Воинскій Союзъ, который надо только тѣснѣе сплочивать и беречь?

Или, быть можетъ, это есть нетерпѣніе — скорѣе перенести изъ внѣполитической атмосферы военнаго служенія въ политическое партизанство, съ его многообразнымъ и разнобразнымъ возглавленіемъ? Но, если желаніе подражать бѣлымъ итальянцамъ такъ сильно, то надо прежде

всего понять, что въ Италіи фашизмъ строился не снизу, не отъ партизанской ячейки, а сверху, отъ Муссолини и его ближайшихъ, строго подчинявшихся ему сотрудниковъ; что Италія спаслась именно своими небольшими размѣрами и безспорной единственностью вождя, въ которомъ соединились патріотическая идейность, замѣчательная политическая интуиція, властная воля, умѣніе выбирать людей и чувство мѣры и такта; что именно это сдѣлало итальянскій фашизмъ не множествомъ безсильныхъ водоворотовъ, а единымъ могучимъ приливомъ, который поднялся по единой волѣ и вновь улегся по ея указу... —

Это было величавое историческое зрѣлище: — соединеніе инициативнаго произвола съ огромной дисциплиной; патріотическаго возстанія съ поддержаннымъ въ странѣ правопорядкомъ; это была армія, побѣдившая одною своею мобилизаціею и распущенная по домамъ безъ генеральнаго сраженія. Напрасно было бы думать, что это «легко повторить» или что это «всѣ могутъ»... Нѣтъ; за этимъ скрывается тысячелѣтнее правосознаніе, воспитанное римскимъ правомъ и римскою церковью, — огромная дисциплина, обратно пропорціональная размѣрамъ страны... Имѣется ли это въ Россіи, въ русскомъ характерѣ, въ русской народной массѣ? Можетъ ли найтись въ Россіи, да еще послѣ такой революціи, правосознаніе, которое не допуститъ до возникновенія множества разныхъ «фашизмовъ»; которое наполнитъ актъ патріотическаго произвола — политическою рыцарственностью, имущественной корректностью и дисциплиной, прямо пропорціональной размѣрамъ нашей страны; которое сумѣетъ найти необходимыя и вѣрныя границы для своего произвола и не превратится въ погромную партизанщину?

Или, еще короче: сумѣетъ ли русскій политическій фашизмъ, ячейкамъ котораго уже нынѣ тѣсно и душно въ свободной формѣ Обще-Воинскаго Союза, сумѣетъ ли онъ остаться бѣлымъ? Тяготясь военной дисциплиной (Приказъ 82!), сумѣетъ ли онъ создать равносильную ей полувоенную или штатскую дисциплину? Не рискуетъ ли онъ незамѣтно промѣнять патріотизмъ на партійность, растерять свою бѣлизну въ чисто политической

борьбѣ и выродить свое служеніе въ исканіе личнаго успѣха? А если возникнетъ не бѣлый фашизмъ, то къ чему приведетъ онъ въ Россіи — къ воссоединенію и возрожденію, или къ новой формѣ пражданской войны?

Бѣлый духъ есть не духъ части, а духъ цѣлаго; онъ ищетъ не власти, какъ всякая политическая партія, а служенія родинѣ, какъ всякая вѣрная армія... —

Таковы тѣ сомнѣнія, которыя я считаю необходимымъ поставить передъ умственнымъ взоромъ русскаго зарубежнаго патріота и фашиста, и тѣ спасенія, которыя я хочу довести до свѣдѣнія его бѣлаго сердца.

Не въ необходимости борьбы я сомнѣваюсь; а въ необходимости переходить къ формамъ политической организациі. Наша борьба необходима и священна. Но она должна оставаться бѣлой борьбой. Останется ли она бѣлою, вступивъ на партійные пути — въ этомъ мое опасеніе...

Я опасаясь не активизма, направленаго противъ врага: напротивъ. Но я опасаясь эмигрантской «политики», которая такъ часто съ трудомъ собираетъ средства лишь для того, чтобы поддерживать нежизненные и раскалывающія организаціонныя формы...

Духъ русскихъ фашистовъ — патріотическій, волевой и активный; не для осужденія этого духа я взялся за перо. Но для того, чтобы сказать моимъ бѣлымъ братьямъ, фашистамъ: берегитесь беспочвенной, зарубежной «политики»! Она таитъ въ себѣ опасность разложенія и утраты бѣлаго духа...

И. А. Ильинъ.
